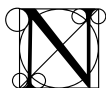

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Зимние
костры*

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey

FIRES OF WINTER

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*

Художественное оформление *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л 59 Зимние костры : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-092987-0

Неукротимая леди Бренна поклялась отомстить викингам, похитившим ее из родного дома. Девушке предназначена участь рабыни, но может ли она смириться с этим? И смирится ли ее гордость в объятиях нового хозяина — Гаррика Хаардада? Ведь только любовь имеет силу связать навеки двух врагов.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Johanna Lindsey, 1980
© Перевод. Т. А. Перцева, 1999
© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-092987-0

Глава 1

Удаленная на несколько миль от западного побережья Уэльса и находившаяся слева от Энгсли-Айленд маленькая деревушка уютно расположилась на крошечном участке вырубленного леса. На крутом холме, нависающем над деревней, стояло величественное здание из серого камня, словно охраняя ряд скромных домишек, совсем как насадка — цыплят.

Все вокруг было пронизано светом и как будто наслаждалось теплыми лучами летнего солнышка. Только замок на холме оставался холодным и зловеще-неприступным, хотя веселые зайчики и скользили по шершавым серым стенам. Путники, проходившие через эти места, часто дивились его суровому виду, совсем как сегодняшний гость.

Незнакомец медленно шел по деревне, не сводя тревожного взгляда с замка. Но вскоре происходившее вокруг отвлекло его внимание от холма и от покровительницы-наседки. Чувство неловкости уступило место осознанию неожиданной удачи. Не раз он оборачивался и настороженно оглядывался по сторонам, удивляясь царившим повсюду миру и покою: дюжина тесно прижавшихся друг к другу домиков, носящиеся по улице ребяташки и женщины... Ах, эти женщины!

Молодой человек наметанным глазом выделил пять или шесть, явно пришедшихся ему по вкусу. Правда, те не обращали на него никакого внимания, занимаясь повседневными делами.

Незнакомец, в модном, но изрядно поношенном трико с подвязками и грязной волчьей шкуре, служившей накидкой, просто не мог поверить тому, что видит. Ни одного мужчины, совершенно ни одного! И столько женщин, всех возрастов! Что, если он наткнулся на оставшееся с древних времен поселение

амазонок? Но он сразу же отбросил эту мысль: среди детей много мальчиков! Должно быть, мужчины трудятся на полях или ушли на охоту.

— Могу я помочь вам, добрый господин?

Незнакомец, испуганно встрепенувшись, поспешно обернулся и оказался лицом к лицу с весело улыбающейся девушкой, в глазах которой светилось нескрываемое любопытство. По виду ей нельзя было дать больше шестнадцати зим. Аккуратно заплетенные светло-русые волосы и широко раскрытые зеленые глаза на ангельски-невинном лице сразу задели его за живое. Путник поспешно опустил глаза, чтобы не выдать истинных намерений, но налитые груди, распирающие коричневую сорочку, и крутые бедра мгновенно вызвали ноющую, томительную боль в чреслах.

Видя, что мужчина не отвечает, девушка жизнерадостно продолжала:

— Прошло уже много месяцев с тех пор, как чужаки в последний раз проходили через нашу деревню — тогда переселенцы с Энгсли-Айленд искали новые земли для своих очагов. Ты тоже пришел оттуда?

— Да, там уже не так, как прежде, — отозвался гость.

Конечно, он мог бы рассказать девушке о своих бедах, но у нее вскоре собственных будет достаточно... если ему, конечно, удастся задуманное, а кроме того, не в сочувствии и понимании он нуждался сейчас.

— Где же ваши мужчины? Даже стариков, греющихся на солнышке, что-то не видно.

Девушка печально улыбнулась.

— Так уж случилось, что две зимы назад в деревне разразилась лихорадка и унесла стариков. Да и молодых тоже много умерло тогда. Но плохое настроение длилось недолго. Этим утром кто-то увидел вепря, и оставшиеся мужчины устроили облаву, — весело объявила она, — вечером будет пиршество, и ты можешь присоединиться.

— Но разве вы не работаете в полях? — с любопытством осведомился незнакомец. — Или дикий вепрь важнее?

Девушка, не скрываясь, хихикнула:

— Да, ты, должен быть, вправду пришел с моря, иначе знал бы, что если хлеб посеян весной, пора уборки урожая придет лишь осенью, и до этих пор в полях делать нечего.

— Так, значит, мужчины вскоре должны вернуться? — нахмурился пришелец.

— Вот уж нет! — засмеялась девчонка. — Скорее всего они постараются задержаться на охоте сколько возможно! Не так часто дикие звери подходят к деревне.

Морщины на лице незнакомца мгновенно разгладились, тонкие губы скривились в улыбке:

— Как тебя зовут, девушка?

— Энид, — весело ответила та.

— Ты замужем, Энид?

Легкий румянец залил личико девушки:

— Нет, сэр, я все еще живу с отцом.

— А он тоже покинул деревню?

Зеленые глаза вновь просияли смехом:

— Он ни за что на свете не пропустил бы охоту!

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой!» — злорадно подумал пришелец, прежде чем снова заговорить:

— Я прошел много миль, и солнце так жарко светит сегодня! Не могу я немного отдохнуть в твоём доме, Энид?

Первый раз с момента их встречи девушка нервно осмотрелась по сторонам.

— Я... я не знаю...

— Только на несколько минут, Энид, — поспешно добавил мужчина.

— Думаю, мой отец не возражал бы, — кивнула наконец девушка и пошла вперед, показывая дорогу.

Вскоре они очутились в крошечном жилище: единственной комнате с занавеской, разделяющей тюфяки, брошенные в углу на грязный пол. Почерневший каменный очаг занимал одну стену, перед ним располагались стол и два грубо сколоченных табурета. Две изысканные чаши на столе — прекрасной работы, украшенные полудрагоценными камнями — мгновенно привлекли внимание гостя. Такие вещи немало стоили! Непонятно, каким образом могли оказаться эти сокровища в убогой хижине.

Энид с любопытством наблюдала, как гость жадно рассматривает дары, полученные от владельца замка за оказанные услуги. Незнакомец не казался красивым, но в нем не было и ничего отталкивающего. И хотя он, очевидно, не владел ни деньгами, ни скотом, однако на вид был крепок и силен и мог бы стать

Энид неплохим мужем. Вряд ли ей удастся найти себе пару среди односельчан, поскольку все подходящие женихи давно уже испробовали ее прелестей и, несмотря на то что охотно пользовались услугами Энид, не подумали бы жениться на ней, зная, что та щедра на милости и не пропустила ни одного мужчины в деревне.

Все быстро взвесив, Энид усмехнулась про себя. Она поговорит с отцом, когда тот вернется, и расскажет о своем замысле. Отец знал о похождениях дочери и, по правде сказать, не очень сердился, но мечтал о зяте, который мог бы стать помощником в полевых работах. Вместе они уговорят пришельца погостить подольше, а Энид тем временем пустит в ход свои чары, чтобы завлечь его в супружеские сети. Да, на этот раз она не ляжет в постель без брачной церемонии, не добавит еще одной ошибки к уже имеющемуся длинному списку совершенных.

— Не хотите ли утолить жажду элем, добрый господин? — нежным голосом сирены она вновь привлекла к себе внимание гостя.

— Да, не помешало бы промочить горло, — ответил тот, терпеливо ожидая, пока девушка подаст ему чашу.

Нервно оглянувшись на оставшийся открытым вход, он заметил прислоненную к стене наспех сколоченную дверь без петель и, залпом допив эль, поставил ее на место. В комнате мгновенно стало темно. Насколько он понял, дверь предназначалась не для защиты, а лишь для тепла или, как в его случае, чтобы укрыться от любопытных глаз.

— Уж очень жарко становится, — пояснил он, и девушка, не выказывая ни малейшего страха, согласно кивнула.

— Может, пообедаете, сэр? Приготовить недолго!

— Ты очень добра, — отозвался мужчина, благодарно улыбаясь, но про себя решил, что еда может подождать — главное, унять пожар в чреслах.

Девушка, повернувшись к нему спиной, подошла к очагу. Мужчина, вынув из-под туники нож, бесшумно скользнул следом, оказавшись позади Энид. Девушка застыла, почувствовав, как лезвие коснулось шеи, а мужская грудь прижалась к спине. На этот раз она боялась не за свое тело, как многие девушки на ее месте, а за собственную жизнь.

— Не кричи, Энид, или мне придется сделать тебе больно, — медленно предупредил он, сжимая ее округлые груди. — И не только тебе, но и всякому, кто придет на помощь. Я всего-навсего хочу немного поваляться с тобой, ничего больше.

Энид сдавленно всхлипнула при мысли о том, как вновь рушится давняя мечта — наконец получить мужа.

А в это время немного к югу от деревушки, в лесу, еще один путник ковылял между деревьями, что-то бормоча себе под нос.

— погоди ты у меня, избалованная кляча, отведаешь кнута! — погрозил юноша кулаком в ту сторону леса, где несколько часов назад его сбросила лошадь.

Правда, ущерб был скорее нанесен гордости, чем задней части, на которую приземлился незадачливый охотник, поэтому он, прижав руку к ноющим ягодицам, упорно продолжал путь к деревне.

Вскоре юноша, уже гордо подняв голову, стоически выдерживал любопытные взгляды сельчан. Наконец одна из женщин решила приблизиться и, явно подавляя желание задать очевидный вопрос о судьбе лошади, сообщила:

— У нас гость, Брен. Энид повела его к себе отдохнуть.

Холодные серые глаза на миг остановились на домике Энид.

— Но почему они закрылись?

— Ты ведь знаешь Энид, — понимающе улыбнулась женщина.

— Да, но она не щедра на милости к незнакомым мужчинам!

И юноша, сжимая в руке шпагу, в несколько прыжков оказался у домика Энид и бесшумно отодвинул дверь. Только через несколько мгновений глаза привыкли к полутьме. И наконец взгляд юноши упал на сплетенные на полу тела. Незнакомец, оседлав Энид, резкими толчками вонзился в покорное тело, словно обезумевший кабан.

Сначала серые глаза зачарованно уставились на слившуюся парочку, на лихорадочные движения мужчины, лежавшего между расставленными ногами женщины. До слуха юноши доносились стоны и почти нечеловеческое рычание. Но тут перед его взором блеснула сталь, и лицо потемнело, словно море перед надвигающимся штормом, — только сейчас он заметил приставленный к горлу Энид кинжал.

Не задумываясь, юноша решительно пересек комнату и, подняв меч, вонзил острие в зад насильника. Тот взвыл и в мгновение ока очутился на полу. Энид плакала, прикрываясь руками и стараясь отползти подальше от негодея, но, поняв, по какой причине тот неожиданно вскочил, мгновенно смолкла:

— Брен, что ты здесь делаешь?

Юноша широко расставил ноги и подбоченился:

— Думаю, тебе повезло, что эта кляча, которую я называю Уиллоу, сбросила меня, иначе правосудие не свершилось бы! Он ведь принудил тебя, не так ли? И опоздай я...

— Д-да, — пробормотала Энид, не в силах справиться с сотрясавшими тело рыданиями. На этот раз девушка плакала от облегчения.

— Но она не была девственной! — гневно вскричал неизвестный, схватившись за окровавленный зад.

Несмотря на боль, он мгновенно сообразил, что перед ним не отец Энид, а всего-навсего мальчишка, если судить по тонкому высокому голосу, и явно не из этой деревни, а благородного происхождения, и к тому же богат: красиво вышитая мантия прикрывала тунику из серебристой ткани в тон гневным серым глазам. Меч тоже был невиданным и, хотя мог считаться двуручным, все же казался чрезвычайно тонким и легким, с украшенной драгоценными камнями рукояткой.

— Пусть она не была девственницей, но все же не давала тебе разрешения овладеть ею. Да, всем известно, что Энид рада услужить мужчинам, но только тем, кого выберет сама. Она оказала тебе гостеприимство, и посмотри, какой подлостью ты отплатил за добро! Как его наказать, Энид? Отрубить голову и положить у твоих ног? Или лучше отсечь этот сморщенный увядший отросток, так гордо стоявший всего несколько минут назад?

— Я разделаю тебя на куски, мальчишка! — зашелся от бешенства мужчина.

Среди женщин, сбежавшихся на крики, послышались смешки. Лицо обнаженного мужчины побагровело от ярости. В довершение позора юноша тоже звонко расхохотался. Но тут, ко всеобщему удивлению, раздался осуждающий голос Энид:

— Брен, ты не должен издеваться над ним.

Смех мгновенно смолк, и юноша, поглядев на Энид, презрительно покачал головой:

— Почему, Энид? Незванный гость, по-видимому, считает себя достойным противником мне, пронзившему копьем первого кабана еще в девять лет и убившему пятерых грабителей, угрожавших деревне, мне, взявшему меч в руки, научившись ходить, и с детства обучавшемуся воинскому искусству! Подумать только, гнусный насильник воображает, что сможет вырвать у меня сердце вот этой игрушкой, которую держит в руке. Поглядите-ка! Правда, он высок, но на самом деле всего лишь жалкий трус!

При этом последнем оскорблении из груди мужчины вырвался оглушительный вопль. Замахнувшись кинжалом, он ринулся на юношу, намереваясь привести угрозу в исполнение. Только юноша, как оказалось, вовсе не хвастался зря и с гибкой грацией успел уклониться. Легкий поворот руки — и на груди противника показалась длинная кровавая царапина.

— Может, и не трус, но уж точно неповоротливый болван, — издевательски бросил юноша, когда мужчина врезался в противоположную стену. — Ну что, довольны с тебя, насильник?

Мужчина, однако, молниеносно подобрав выпавший при ударе кинжал, вновь бросился на юношу. На этот раз в воздухе свистнуло лезвие и в левой части груди нападавшего появился багровый крест. Раны были неглубокими, но достаточными для того, чтобы весь торс мужчины залили кровавые ручейки.

— Это всего-навсего царапины, мальчишка! — проворчал тот. — Пусть мой кинжал и короток, зато найдет цель!

Поскольку теперь противников разделяло всего около фута, мужчина воспользовался возможностью ударить врага в тонкую белую шею. Но юноша снова отступил, двигаясь с необычной легкостью. Кинжал нападавшего всего лишь разрезал воздух и через мгновение уже валялся на полу, выбитый ловким ударом.

Незнакомец оказался лицом к лицу с Энид. Во взгляде девушки не было жалости.

— Глупец! Брен всего лишь играет с тобой!

Поняв, что она права, незнакомец смертельно побледнел. И хотя самолюбие было жестоко задето — подумать только, быть побежденным жалким юнцом, — теперь приходилось бояться за жизнь. Оставалось лишь молиться, чтобы последний удар был нанесен быстро и смерть оказалась легкой. В холодных серых

глазах не было ни капли милосердия. Смех, сорвавшийся с мягких чувственных губ, леденил кровь.

— Как тебя именуют?

— Доналд. Доналд Джилли, — поспешно пробормотал он.

— Откуда ты пришел?

— Из Энгсли.

При упоминании этого названия глаза юноши сузились:

— И ты был там в прошлом году, когда проклятые викинги напали на Холихед-Айленд?

— Да, и видеть эту бойню не было сил...

— Прекрати! Я вовсе не требую отчета о том, что делали эти ублюдки! Но ты, Доналд Джилли, знай — твоя жизнь в руках этой девушки. — Юноша повернулся к Энид: — Как с ним быть? Отправить в ад его жалкую душонку раз и навсегда?

— Нет! — охнула Энид.

— Тогда искалечить за то, что он с тобой сделал? Отрубить руку? Ногу?

— Нет! Нет, Брен!

— Правосудие должно свершиться, Энид! — нетерпеливо отрезал юноша. — Я милосерднее отца! Будь на моем месте лорд Энгус и найди он этого негодяя валяющимся между твоих ног, давно бы уже велел посадить его на кол и оставить волкам. Джилли совершил преступление и должен поплатиться!

Энид глядела на защитника широко раскрытыми испуганными глазами. Доналд Джилли съезжился, ожидая приговора. Юноша задумчиво нахмурил лоб. И вдруг в его глазах заиграли бесенята:

— Вот что, Энид, скажи, возьмешь ли ты этого человека в мужа?

Почти сразу же послышался едва различимый шепот:

— Да.

— А ты согласен взять ее в жены, Доналд Джилли?

Серые глаза словно пронизывали Доналда насквозь.

Мужчина резко вскинул голову.

— Да. Да, согласен! — вырвалось у него.

— Да будет так — вы поженитесь, — объявил юноша непрекаемым тоном. — Поверь, Доналд Джилли, это хорошая сделка. Но знай: если согласишься сегодня, назад дороги нет. Не заставляй меня жалеть о том, что решение оказалось слишком

мягким. Если причинишь вред девушке или захочешь оставить ее, на земле для тебя не останется достаточно безопасного убежища. Я отыщу тебя и исправлю содеянное тобой зло.

Мужчина не смог сдержать радости, осознав, что так легко отделался.

— Я ничего не сделаю девушке.

— Прекрасно, — коротко ответил юноша и, повернувшись к двери, крикнул: — Расходитесь, женщины! Развлечения на сегодня закончены! Оставьте эту парочку, пусть поближе познакомятся! — И, обратившись к Энид, прибавил: — Энид, быстро помоги ему вымыться, пока отец не вернулся. Тебе еще многое придется объяснить этому доброму человеку.

— А твой отец вырастил поистине милосердного сына, господин, — вставил Доналд Джилли.

Юноша искренне рассмеялся:

— У моего отца нет сыновей!

Доналд Джилли долго смотрел вслед удалявшейся фигурке и наконец ошеломленно пробормотал, обращаясь к невесте:

— Что он имел в виду?

— Не «он», — засмеялась Энид. — Твою жизнь пощадила леди Бренна.

Глава 2

Бренна распахнула тяжелую дубовую дверь, позволяя солнечным лучам проникнуть в затемненную залу замка. Здесь никого не было, но сквозь двойные двери большой залы для приемов доносились голоса. Там ее сводная сестра Корделла обсуждала с кухаркой блюда к вечерней трапезе.

Корделла была последним человеком на земле, которого хотелось бы встретить Бренне сейчас и вообще особенно сейчас, когда так болела спина после падения с проклятой Уиллоу, да и умыться не мешало бы.

Привыкшая пролетать залу в несколько прыжков, Бренна, едва сдерживая нетерпение, тащилась теперь со скоростью улитки, чувствуя каждой частичкой тела, как ноют истерзанные мышцы, а короткая схватка с Доналдом Джилли отнюдь не улучшила ни самочувствия, ни настроения. Она с трудом удержива-

лась от того, чтобы не морщиться, и тихо стонала сквозь зубы, стараясь держать боль в узде.

Ха! Джилли посчитал ее мальчишкой! Бренна просто раздувалась от гордости. Разве не этого она добивалась?! Всего несколько минут Бренна превратилась в настоящего сына своего отца, невзирая на то что стойкий дух принадлежал нежной женской плоти.

Бренна с трудом одолела несколько ступенек лестницы, ведущей в лабиринт проходов и коридоров на втором этаже. Человек, незнакомый с замком, наверняка затерялся бы в этом хаотическом архитектурном решении, имевшем такой вид, словно два разных строителя начали возводить здание с разных концов и безуспешно попытались встретиться на середине. Но таково было желание отца Энгуса, первого хозяина замка. Строительство продолжалось двадцать лет, и сын его уже успел вырасти к тому времени, когда был положен последний камень. Первый этаж был точно таким же, как в любом подобном замке, зато на втором располагалось девять отдельных покоев, в каждый из которых вел отдельный коридор. Пройдя первый зал, Бренна повернула направо и миновала спальню отца. Он, должно быть, сейчас в постели, поскольку вот уже неделю болел и до выздоровления было еще далеко. Девушка хотела было зайти и рассказать о забавном поединке с Джилли. Нет, лучше позже: сначала нужно выкупаться.

Дойдя до конца коридора, Бренна повернула и оказалась у покоев Корделлы и ее мужа. Слева находились ее собственные. Окна угловой спальни Бренны пропускали много света. Семнадцатилетняя девушка не возражала против того, что ее комнаты самые дальние, но вот сегодня каждый шаг давался с трудом.

Бренна едва не вскрикнула от облегчения, добравшись наконец до места, и остановилась лишь затем, чтобы позвать Элейн, свою служанку. Медленно прикрыв дверь, она прохромала к кровати, снимая на ходу накидку с капюшоном, скрывающим ее роскошные волосы. Длинные волосы. Единственное, что не соответствует образу, который так пыталась создать девушка. Отец запретил отрезать их, поэтому приходилось надевать либо шапку, либо капюшон, и Бренна ненавидела этот очевидный символ женственности.

Не успела ее голова коснуться подушки, в комнате появилась Элейн — ее спальня была рядом, за углом. Служанка была уже не первой молодости, но выглядела совсем неплохо. Рыжие волосы говорили о шотландской крови. Когда-то морковного цвета, теперь они выцвели и превратились в тускло-оранжевые, однако темно-синие глаза по-прежнему молодо блестели. Конечно, бывшего проворства не вернуть, и холодными зимами Элейн часто и долго болела, но тогда уже Бренна превращалась в служанку и ухаживала за ней.

— О Брен, девочка моя, — задыхаясь, выговорила Элейн, поднося к груди маленькую руку. — Как я рада, что ты вернулась вовремя! Сама знаешь, отец разбушевался бы, пропусти ты урок с Уиндхемом. Так что пора сбросить мужские одежды и нарядиться, как подобает дочери владельца замка. Когда Бойд явился с новостями о ведре, я уж было испугалась, что появишься только к ночи!

— Проклятие на голову Уиндхема и всех его родичей! — устало отрезала Бренна. — И будь проклят этот чертов кабан!

— Господи, ну и в прекрасном же мы настроении сегодня, — прищелкнула языком Элейн.

— Не мы, а я!

— И что это с тобой случилось, спрашивается?

Бренна попыталась сесть, но, поморщившись, снова легла.

— Уиллоу, эта стельная корова! Подумать только, я так старалась выучить ее, а паршивая кляча имела наглость испугаться кролика! Кролика! В жизни не прощу ее за это!

— Ага, вижу, ты грохнулась на землю и твоя гордость немного пострадала, — хмыкнула Элейн.

— О женщина, замолчи же! Не желаю я слушать твою трескотню! Хочу отлежаться в горячей водичке и хорошенько пропарить усталые косточки!

— Только побыстрее, дорогая! — покачала головой Элейн, ничуть не обидевшись, поскольку давно привыкла к нетерпеливой подопечной. — Уиндхем тебя ждет.

— Подождет!

Каждый день Бренна приходила на урок в большую залу для приемов. Прошло одиннадцать месяцев с того дня, как кровавые язычники, пришедшие с севера, напали на Холихед-Ай-

ленд в году 850-м от Рождества Христова. Бренна едва выносила уроки, ненавидела их всех душой, но выбора не было. Правда, училась она старательно, но лишь потому, что имела на это свои причины, а вовсе не по приказу Энгуса.

Уиндхем, зловеще нахмурясь, встал, когда Бренна вошла в комнату:

— Вы опять опоздали, леди Бренна.

Одетая в шелк цвета морской волны, красиво оттенявший черные как вороново крыло волосы, ниспадавшие до тонкой талии, Бренна мило улыбнулась:

— Вы должны простить меня, Уиндхем. Мне жаль, что я заставила вас ждать и отрываю от важных дел.

Красивое угрюмое лицо норвежца смягчилось, но глазами он обжегал комнату, останавливаясь при этом на чем угодно, кроме Бренны.

— Чепуха! Нет ничего важнее, чем подготовить тебя к новому дому и жизни.

— Тогда мы должны начать немедленно, чтобы восполнить потерянное время.

Нужно отдать должное, Бренна могла быть настоящей леди, когда требовали обстоятельства. Об этом позаботилась ее тетя Линнет. Девушка умела мгновенно стать грациозной, очаровательной и применить тонкую хитрость и неотразимые чары для достижения цели. Правда, женские уловки она пускала в ход не часто, но уж в этом случае ни один мужчина не мог перед ней устоять.

Ванна, конечно, помогла, но былая гибкость не вернулась. Бренна медленно проковыляла к одному из четырех треноподобных стульев, стоявших перед огромным камином, и присоединилась к Уиндхему. Тот начал урок с повторения норвежской мифологии. Теперь наставник говорил по-норвежски, на языке, который Бренна без труда понимала, поскольку это было первым, чему научил ее Уиндхем.

Неужели прошел почти год с тех пор, как они получили новости о Холихед-Айленд? Казалось, пролетел век. Случившееся было потрясением и вселило во всех страх смерти. Два дня спустя Энгус послал за Бренной и объявил о своем решении и судьбе, предназначенной дочери. Сцена эта до сих пор стояла

перед глазами Бренны и даже преследовала ее во сне. Отец был одет, как подобает в таком случае, в черное. Черное, цвет печали, тоски и... проклятия. Черная мрачная туника, темные длинные волосы необычно сочетались с сияющими весельем голубыми глазами, невероятно яркими для пятидесятилетнего мужчины. Но в этот день Энгус Кармахем выглядел стариком.

Бренна только вернулась с прогулки верхом, когда ее позвали к отцу. Девушка еще не успела снять мужской костюм — тунику сизого цвета, короткую, расшитую серебром накидку, тонкие лосины из мягкой оленьей замши и сапоги лучшей испанской кожи. С бедра свисал меч, но она сняла его, прежде чем устроиться напротив отца в кресле с высокой спинкой, обитом бархатом.

— Ты станешь женой норвежского вождя, дочь моя, — первое, что объявил Энгус.

— И рожу двадцать прекрасных сыновей, которые будут разорять набегамы наше побережье, — весело отозвалась девушка.

Но Энгус не рассмеялся шутке дочери, и при виде его серьезного лица кровь Бренны похолодела. Она вцепилась в подлокотники кресла, напряженно ожидая следующих слов отца. Тот устало вздохнул, словно годы давили на плечи тяжким бременем.

— Может, они и будут грабить наше побережье, но не нас.

— Что ты сделал, отец? — с тревогой спросила Бренна, не выдержав тягостного ожидания.

— Вчера я послал свата. Он доберется до Норвегии и заключит договор с викингами...

Бренна вскочила:

— Теми, что напали на Холихед-Айленд?

— Нет, совсем необязательно. Посланец станет искать вождя, который согласился бы взять тебя в жены. Могущественного человека.

— Ты хочешь торговать мною? Предлагать как товар? — обвиняюще воскликнула Бренна, глядя на Энгуса широко раскрытыми глазами, впервые ощущая, что не знает человека, сидящего напротив и называющего себя ее отцом.

— О нет, Бренна, это не так! — убежденно запротестовал лорд Энгус, твердо сознавая, что поступает правильно, как бы ему ни было больно при этом. — Этот человек будет действовать осторожно и благоразумно. Я послал Фергюса. Он все выведает спокойно, не торопясь, и найдет могучего вождя, у которого еще